

Жизнь Пушкина

ПУШКИН ЦЕЛИЛСЯ В ЦАРЯ

ЦАРЬ, ПОЭТ
И НАТАЛИ

НИКОЛАЙ
ПЕТРАКОВ

Жизнь Пушкина

Николай Петраков

**Пушкин целился в царя.
Царь, поэт и Натали**

«Алисторус»

2013

Петраков Н. Я.

Пушкин целился в царя. Царь, поэт и Натали / Н. Я. Петраков — «Алисторус», 2013 — (Жизнь Пушкина)

Академик Николай Петраков, ученый с мировым именем, автор сенсационных книг о причинах дуэли и гибели Пушкина, буквально взорвал установившуюся в пушкинистике версию тех трагических обстоятельств, в которых оказался поэт в последние годы жизни. На самом деле никакого Дантеса как предмета ревности для Пушкина просто не существовало, утверждает исследователь, вспышки подозрений в неверности в пушкинских письмах жене относятся к 1831–1832 годам, когда на горизонте Дантеса не было и в помине...

© Петраков Н. Я., 2013

© Алисторус, 2013

Содержание

Предисловие	6
Предисловие к 1-му изданию	13
Глава 1	14
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Н. Я. Петраков
Пушкин целился в царя.
Царь, поэт и Натали

© Петраков Н.Я., 2013

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

Жизнь и трагическая смерть Александра Сергеевича Пушкина привлекают внимание не одного поколения читателей поэзии и прозы великого писателя, подлинного создателя современного русского языка.

Биография Пушкина воссоздана скрупулезно, буквально по дням. Однако мотивация его поступков весьма размыта. И чем ближе к последней дуэльной истории, тем больше. Официальная версия событий, приведших к дуэли, была сформулирована самим поэтом, и ее придерживались друзья Пушкина.

Пушкин получает «диплом рогоносца», в котором нет и намека на Дантеса, но имеется более чем прозрачное указание на венценосное происхождение рогов получателя этого пасквиля. Пушкин, полностью уверенный в верности своей супруги, посылает вызов на дуэль Дантесу, поскольку считает, во-первых, неуместными его ухаживания за Натальей и, во-вторых, что он и его приемный отец имеют прямое отношение к написанию этого диплома. Главное в данной конструкции для Пушкина – утверждение о невинности жены не перед Дантесом, а перед тем, кто был упомянут в дипломе. И друзья, естественно, защищали эту трактовку. Хотя П. Вяземский писал: «Эта история окутана многими тайнами». А. С. Соболевский высказался еще определеннее: «Итак, чтобы не пересказать лишнего или недосказать нужного – каждый друг Пушкина должен молчать».

Казалось бы, если загадка ухода Пушкина из жизни окутана многими тайнами, если недосказано нужное, то вот поле для серьезного исследования. Каковы внутренние пружины заговора двора против поэта?

К сожалению, официальная современная пушкинистика набивается в друзья к Пушкину. Она беспрекословно поддерживает версию поэта. Но то, что позволительно друзьям Пушкина, убийственно для научного работника.

В версии Пушкина есть много слабых или малоубедительных мест, требующих исследования и научных дискуссий.

Вызывает, в частности, сомнение авторство «диплома рогоносца». Пушкин обвиняет Геккернов. Но для Геккернов дуэльная история означала крах карьеры. Геккерн-старший примчался к Пушкину, унижался, просил отсрочить дуэль. Затем в деле отмены дуэли были задействованы супруги Нессельроде, Жуковский, императрица. Последняя из личных средств доплачивала определенную сумму к скромному вознаграждению бедного корнета. А в начале 1836 года он получает звание поручика в нарушение элементарной таблицы о рангах. Дантеса ждет блестящая карьера в российской гвардии. Зачем ему плести антипушкинскую интригу? На него заглядываются дамы и невесты света. А он вынужден жениться на девице со скромным достатком, в годах, чтобы уйти от конфликта с Пушкиным.

Большинство специалистов практически отвергли непосредственное авторство Геккернов в написании текста диплома. Стали называться в числе его авторов Долгорукий, Гагарин, Полетика, супруги Нессельроде, Уваров. А один известный пушкинист назвал автором диплома Раевского. Почти десяток псевдоавторов, по сути, гадание на кофейной гуще, без весомых аргументов и уж точно без доказательств. Научная потенция пушкинистов в нахождении авторов диплома оказалась ниже плинтуса.

Однако диплом рогоносца оказался мощным оружием в борьбе с интригами и сплетнями царского двора, мечом, отсекающим унижительное камерюнкерство от глыбы гения, создавшего памятник нерукотворный. Имя этому человеку – Александр Сергеевич Пушкин. Так, может быть, необходимо в числе возможных авторов диплома рассмотреть и эту фигуру? Не прокричать в расчете на сенсацию, а логически объяснить, почему эта версия превращается в

полноправную концепцию авторства «диплома рогоносца». Собственно, ответу на этот вопрос и посвящена эта книга.

Казалось бы, чем не предмет для научной дискуссии? Никаких дискуссий, – отвечают «пушкиноведы». Профессор миланского университета Серена Витале, не утруждая себя выслушиванием аргументов в пользу этой концепции, заявляет: «Хорошая, веселая шутка». Влюбленная в Жоржа Дантеса Витале обременяет читателей письмами Дантеса о любви к Пушкиной в стиле бульварных французских романов первой трети XIX века. Если принять во внимание утверждение внука Дантеса Луи Метмана, что его дедушка за 83 года своей жизни не прочитал ни одного художественного произведения, то можно представить, какими веселыми шутками кормит читателей г-жа Витале, восторгаясь чистотой помыслов убийцы поэта. Но предмет дискуссии значительно шире вопроса об авторстве диплома.

Так, например, в письме князя П.А. Вяземского к великому князю Михаилу Павловичу от 14 февраля 1837 года приводятся следующие соображения: «25 января он послал письмо Геккерну-отцу. А Аршиак принес ему ответ. Пушкин его не читал, но принял вызов, который был ему сделан от имени сына. Сам собою напрашивается вопрос, какие причины могли побудить Геккерна-отца прятаться за сына, когда раньше он оказывал ему столько нежности и отеческой заботы; заставлял сына рисковать за себя жизнью, между тем как оскорбление было нанесено лично ему, а он не так стар, чтобы быть вынужденным искать себе заместителя? Этот возмутительный факт был отмечен 187 лет тому назад. Формально подмену дуэлянта одобрил граф Строганов, но отнюдь не без участия венценосных особ. По свидетельству Дантеса, «Дуэль Пушкина не была остановлена полицией. Жандармы были посланы в Екатеринбург будто бы по ошибке, думая, что дуэль должна происходить там, а она была за Черной речкой около комендантской дачи». Разве мог Бенкендорф совершить такую ошибку без ведома императора? Это ли не тема для научной дискуссии среди пушкинистов.

Тем более что не только императрица, но и сам Николай Павлович в преддуэльный период проявлял большой интерес к судьбе Дантеса. Можно сказать, жестко руководил его поступками. В 1963 году в Париже вышла книга «Сон юности» – записки дочери Николая I, Ольги Николаевны, королевы вюртембергской. Нет сомнений, что в основу их положены дневники, ибо они строятся по дневниковым датам, месяц за месяцем, год за годом. Вообще записки ее строго фактичны. И вот что пишет Ольга Николаевна: «После того, как по городу уже циркулировали анонимные письма, в которых обвиняли красавицу Пушкину, жену поэта, в том, что она позволяет Дантесу ухаживать за собой... папа поручил Бенкендорфу разоблачить автора анонимных писем, а Дантесу было *приказано* жениться на младшей сестре Натали Пушкиной, довольно заурядной особе». Извиним автору маленькую неточность (Е. Гончарова была старшей, а не младшей сестрой). Оценим это важнейшее, доселе не известное нам сообщение: Николай I приказал Дантесу жениться на свояченице Пушкина». (Цитируется по книге И. Андроникова «Рассказы литературоведа», М., «Детская литература», 1973 г., стр. 219). Призыв столь уважаемого знатока литературы как Ираклий Андроников оценить это сообщение был полностью проигнорирован официальными пушкинистами.

Филологи, которые кормятся вокруг имени Пушкина, совершенно отказались от комментариев по поводу поведения вдовы Александра Сергеевича сразу после смерти поэта. Мы не имеем в виду отказ Наталии Николаевны от участия в похоронах мужа. Ну, плохо себя чувствовала. Бывает. Однако при плохом самочувствии уже 8 февраля 1837 года, то есть на второй день после того, как тело Пушкина было предано земле, вдова направляет на имя императора следующее прошение: «Всесвятлейший, державнейший великий государь император Николай Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший, просит вдова Двора Вашего императорского Величества камер-юнкера Наталия Николаевна Пушкина, урожденная Гончарова... Я сама должна для воспитания детей моих проживать в здешней столице, и как при том все избранные мною в опекуны лица находятся на службе в С.-Петербурге, то по сему и

прошу: Дабы высочайшим Вашего императорского Величества указом повелено было сие мое прошение принять, малолетних детей моих взять в заведывание С.-Петербургской дворянской опеки».

Аргументация вдовы довольно странная. Малолетним детям деревенский воздух полезнее слякотного Петербурга. Кроме того, опекуны, а это – граф Григорий Строганов, граф Виельгорский и Жуковский – функционируют отнюдь не как воспитатели дошколят. Но молодой вдове очень хочется закрепиться в столице.

Среди пушкинистов стала аксиомой версия, что Наталья Николаевна покинула Петербург, выполняя последнюю волю поэта. Будто бы Екатерина Алексеевна Долгорукова, помогавшая ухаживать за раненым Пушкиным, своими ушами слышала, как Пушкин уже перед самой кончиною говорил жене: «Носи по мне траур два или три года. Уезжай. Постарайся, чтобы забыли про тебя. Потом выходи опять замуж, но не за пустозвона». Бартенев, записавший это свидетельство, не преминул отметить, что Екатерина Алексеевна была с московских времен подругой Наталии Николаевны.

Конечно, есть вопрос, была ли произнесена столь любимая пушкинистами фраза, а если и была, то из чьих уст Наталья Николаевна ее услышала? Между тем ее прошение от 8 февраля указывает на то, что вдова не выполнила последнюю волю поэта, если таковая была высказана. И покинула она Петербург не по своей воле, а по прямому указанию императора. Последний решил временно или навсегда удалить из столицы всех участников скандальной дуэли. Высланы Геккеры, Дантес, Данзас и даже Полетика был переведен в Одесский военный округ вместе со своей супругой Италией. Не хотят эту сюжетную линию рассматривать пушкинисты. Безмерная идеализация невинности, верности провозглашенной музы поэта приводит к анекдотичным поворотам. В Москве на расстоянии полукилометра – на Старом Арбате и у Никитских ворот (там, в церкви Большого Вознесения, венчался Пушкин) – открыты два памятника, где поэт обнимается с Натальей Николаевной. Эта вечная муза затмевает тот факт, что девять десятых любовной лирики были написаны Пушкиным, когда он не имел представления о Гончаровой.

Полная загадок и недомолвок судьба Пушкина требует не восторженно-религиозного воспевания, а глубокого научного анализа. Пушкиноведы боятся открытой дискуссии. Игнорируют ее или выставляют таких оппонентов как кандидат филологических наук Александр Галкин («Эхо планеты», № 5, 7 февраля 2013 г.). Остановимся на его аргументации, исключительно в качестве иллюстрации, с каким багажом официальные пушкинисты приходят к отстаиванию правомерности своей позиции.

Свою статью А. Галкин начинает эпически: «При жизни Пушкина никто из его современников нисколько не сомневался, что анонимный пасквиль... послужил причиной дуэли и трагической смерти поэта». Филологическое образование свое А. Галкин сразу демонстрирует читателям: «При жизни Пушкина никто не сомневался... в трагической смерти поэта от пасквиля».

Очень по-русски! Ну, как умеет, так и пишет. Но диплом анонимный. В нем есть хоть намек на Дантеса или его авторство, г-н Галкин? А стреляется Пушкин именно с Дантесом. Посылает ему картель, то есть вызов на дуэль без объяснения причин. Догадывается? Однако 6 ноября пишет министру финансов Канкрину письмо о продаже своего имения в Михайловском с целью покрытия царских долгов семьи. Странно. Но для Галкина не странно, поскольку он входит в число пушкинистов, которые такого рода факты просто игнорируют. «Факты упрямая вещь, но тем хуже для фактов», – говорил один диктатор.

Двигаемся вместе с Галкиным по его статье: «Двести лет пушкинистики не внесли существенных изменений в эту картину». Ну, конечно, если не считать монографию «Пуговица Пушкина» Витале, которая вкладывает в уста супруги Пушкина в пересказе Дантеса слова: «Я люблю вас, как никогда не любила, но никогда не просите у меня более моего сердца, поскольку

остальное мне не принадлежит, я могу быть счастлива, только честно выполняя мои обязанности, пожалейте меня и любите меня всегда, как теперь...» Перед нами чистейшая платоническая любовь двух сердец. Если Витале права, а Галкин отрицает «царственную линию» анонимного пасквиля, то Пушкин сам по старческой глупости и ревности нарвался на пулю. Человек, написавший «энциклопедию русской жизни», оказался недалеким, наивным и глуповатым человеком, как глуповата вся Россия. Спасибо Галкину.

«Но вот на переломе XX и XXI веков, – пугает нас Галкин, – возникла новая генерация самостийных пушкинистов, которые взялись «радовать» публику громкими открытиями». Итак, в псевдодискуссию вводится новый термин: «самостийные пушкинисты». Они естественно противостоят пушкинистам-профессионалам, получившим образование на филофаках МГУ, ЛГУ и филологических отделениях многочисленных педагогических институтов. Их первейшая задача – охранять свою деланку от самостийщиков, такого образования не получивших.

Однако смею утверждать, что Пушкин творил не для кандидатов и докторов филологических наук. Пушкин – достояние всего человечества и особенно русскоязычной его части, поскольку Россия говорит до сих пор в основном на пушкинском языке.

Поточное образование канонизирует мысль, загоняет в жесткие рамки. Молодой студент может внимать и верить как проповедникам своим лучшим преподавателям, таким как Сурат, Абрамович, Непомнящий, излагающим точку зрения своих учителей. Затем, сдавая успешно экзамены и зачеты по лекционному трафарету, не ставя преподавателю каверзных вопросов на семинарах, тиражируется филолог, активно неспособный к исследовательской работе. Способность мыслить самостоятельно у этой плеяды будущих кандидатов и докторов филологических наук полностью атрофируется.

Самостоятельными бывают не только пушкинисты, радующие публику громкими открытиями. Самостийность проявляется и в литературе, и в живописи, и в экономике, философии и даже в астрономии.

Были профессиональными врачами Вересаев, Чехов, Булгаков, Горин. И вдруг стали самостийными литераторами, а некоторые из них даже великими писателями. А зачем нам «Дядя Ваня» или «Мастер и Маргарита»? Ставили бы клистиры, перечные пластыри и примочки своим пациентам.

А текстильный магнат Третьяков стал ни с того ни с сего ценителем живописи. Занимался бы своей бухгалтерией. Еще два купчишки, которые озолотили собрания Эрмитажа и Музея изобразительных искусств, вообще не в свою епархию влезли. Были ведь магистры и доктора искусствоведения, считавшие импрессионизм и постимпрессионизм мазней. И ни одна картина Ван Гога, благодаря им, не была продана при его жизни.

Так что не надо сильно пинать самостийность в науке. Особенно филологам, которые за эту самостийность хватаются, изучают и часто получают научные степени.

Среди самостийных пушкинистов г-н Галкин выделяет мою книгу «Последняя игра Александра Пушкина». Наверное, потому что я академик, хотя всего лишь известный экономист. Эта книга вышла в 2003 году. Спустя два года, была опубликована другая моя книга «Александр Пушкин: загадка ухода», которая по объему вдвое превышает первую. Но Галкин, судя по всему, ее не видел. В чем мое преступление? В книге «прозвучала ключевая идея нынешних неофитов пушкинистики: Пушкин написал анонимный пасквиль сам себе, потому что, движимый ревностью, задумал отомстить царю Николаю I, сделавшему жену Пушкина своей любовницей».

В своих работах я, как «неофит пушкинистики», утверждал: «...Вы никогда не узнаете правды, ибо знавшие ее сделали все возможное, чтобы не удовлетворить любопытство потомков... Факт супружеской измены и основание для ревности для человека, обремененного минимальным интеллектом, – понятия, далеко не тождественные, хотя, конечно, в известном

смысле пересекающиеся. Поэтому для понимания психологического состояния Пушкина в последние годы его жизни действительно важным является вопрос: были ли у Пушкина серьезные основания ревновать свою жену к царю?»

Противников «неофитов пушкинистики» можно спросить: если в «дипломе рогоносца» совершенно явно прослеживается царственная линия, то были в окружении Пушкина лица, которые понимали, что прозрачные намеки на роль заместителя Нарышкина вызовут бурную ревность Пушкина? Очевидно, что в дворцовых кругах существовала группировка, верящая в интимную связь императора и жены поэта еще при жизни Пушкина. Наши оппоненты, выставившие на первый раунд диспута с «неофитами» некоего Галкина, вразумительного ответа на этот вопрос дать просто не в состоянии.

Но, кроме некоторой части современников поэта, царственную линию в его судьбе разделял не только я, но такие пушкинисты-ортодоксы как Рейнбот, Казанский, Щеголев, поддержал М.А. Цявловский (в 1926–1927 гг.). В 1963 году Михаил Яшин в журнале «Звезда» № 8 активно поддержал активную роль царя в уходе за супругой поэта и в преддвуэльной истории, за что был раскритикован в отделе культуры ЦК КПСС. Теперь нет ЦК КПСС, но есть некий орган (не знаю, кем утвержденный), который контролирует официальную пушкинистику.

А в дискуссии по моей книге с Михаилом Яшиным произошла следующая история. Наталья Николаевна оставила довольно сумбурные воспоминания о ее последнем (а может быть, единственном?) свидании с Дантесом на квартире Идалии Полетики. Примерно одно и то же она рассказала мужу, Вяземским, сестре Александрине. Суть рассказа заключалась в том, что она пошла в гости к Идалии Полетике, застала вместо нее на квартире Дантеса, который, размахивая пистолетом, требовал отдаться ему, или он убьет себя. Супруга Пушкина заламывала руки, кричала. В результате появилась дочь Полетики, и участники свидания более или менее мирно разошлись.

Я попробовал провести нечто подобное ситуационному анализу, широко применяемому в прикладной математике, космонавтике, военном деле, выборе инвестиционных проектов. Приходит Наталья Николаевна к дверям квартиры Полетики. Звонит. Или у нее есть ключ? Что осложняет всю историю. Ей открывают. Кто? Дантес или горничная? Если Дантес, то верная супруга должна повернуться и уйти. Скорее всего, горничная, которая по инструкции хозяйки знает о свидании и должна проводить Натали к Жоржу. О, боже мой, думает она. А Жорж достает пистолет, размахивает им и кричит, отдайся или я убью себя здесь, в квартире Полетики. Как-то странно. Ловелас Дантес, очевидно, знал, что женщину надо приласкать, обнять, поцеловать и т. д. Но размахивание пистолетом – это скорее шантаж, попытка к принуждению заниматься тем, чего не хочет женщина. И тут появляется «бесхозная» трехлетняя девчушка, которую почему-то потеряла горничная, получившая твердую установку не мешать свиданию. Верная жена вырывается из рук насильника и убегает.

В этом рассказе сплошная «лапша на уши». Здесь, как в зеркале, проявляется наивная провинциальность Натальи Николаевны. То, что Пушкин не поверил ни одному ее слову, очевидно, как не поверил он ее рассказу о желании Дантеса жениться на Екатерине летом того же года на даче под Петербургом. Он заставил жену написать записку Дантесу, что он не возражает против брака Жоржа и Екатерины. И этим вверг Дантеса в шоковое состояние. Думаю, что и Вяземские, и даже Александрита, вряд ли поверили полной правдивости Наташиной версии свидания. Но, что они от нее слышали, то и передали тем, кто об этом спрашивал. Правдивости в ее рассказе нет, от мелочей до самого главного – как проходило свидание и с кем, собственно, оно было.

И тут появляется дочь Натальи Николаевны Александра Арапова, которая утверждает, что ее отец Петр Ланской дежурил у окон квартиры Идалии Полетики, где тайно встречались ее мать и Дантес.

С точки зрения дальнейшей судьбы Ланского, Натальи Николаевны, да и самой Араповой это сообщение никакого значения не имеет. Ланской не был знаком ни с Пушкиным, ни с его женой. Для Араповой эта информация также не очень интересна. Ее обвиняют официальные пушкинисты в том, что она старательно намекала на свое генетическое происхождение не от Петра Петровича Ланского, а от Николая Павловича Романова. Эка невидаль! Сейчас все программы телевидения типа «Пусть говорят» заполнены девушками, которые уверены, что их биологическими отцами являются Киркоров или Кобзон. Но в XIX веке не было шоу-бизнеса, телевидения и Малахова. Так что Арапова пробивалась своими силами. Но родилась Арапова не в 1837 году, а значительно позже. Все знают, как царь выдавал замуж своих беременных любовниц за гусаров. И так называемая дочь Ланского считала, что Петр Петрович оказался более покладистым, чем Безобразов, вынужденно женившийся на Хилковой. И история семьи Ланских показывает, что с 1844 года глава семьи сделал великолепную карьеру при полной благосклонности императора к непонятным воинским заслугам Ланского. Так что Арапова была ближе к правде, чем официальные пушкинисты. Последние говорят: не верьте ни одному слову Араповой. А это странно. Информация о дежурстве Ланского у дома Полетики ничего не добавляет Араповой в ее версии о своем отцовстве. Но для аналитика это замечание весьма интересно. Ротмистр никогда не будет выступать в роли «топтуна» под окнами мелкого кавалергарда во время его свидания с женщиной. Следовательно, возникает естественный вопрос: был ли в квартире Полетики именно Дантес или фигура существенно более высокого ранга? Официальные пушкиноведы отвечают, что этого не может быть никогда, как не может быть пятен на солнце. Аргументировать этот тезис указали известному в очень узких кругах филологу А.Галкину. Вот опус А.Галкина: «Увы, Петракову, вероятно, неизвестно, что Михаил Яшин давно документально опроверг романтическую версию Араповой, причем сделал это за 18 лет до вышедшей в свет книги академика. Цитирую по книге Ободовской и Дементьева: «По последним, совершенно достоверным сведениям, установленным Михаилом Яшиным, Петра Петровича Ланского с октября 1836 года по февраль 1837 года вовсе не было в Петербурге, он находился в служебной командировке и, следовательно, не мог «дежурить» у дома Полетики».

Галкин – типичный представитель «научной» аргументации пушкинистов, захвативших право на «единственно точную» трактовку событий вокруг поэта. Очень забавно, что Ланского выслали из Петербурга именно на срок посылки «диплома рогоносца», вызова на дуэль Дантеса, его женитьбы на Екатерине Гончаровой, повторного вызова на дуэль, ранения и смерти Пушкина. Кто-то в небесной канцелярии вычислял, на сколько дней выписать командировочное удостоверение Ланскому, чтобы официальным пушкинистам было спокойно. А потом что это за командировка: в Лондон или к казакам, заказывать сбрую для конногвардейцев? Если недалеко, то, наверное, с предписанием не появляться в столице ни на один день, иначе – расстрел или ссылка в Сибирь. Каков Яшин! Но мы из цитаты Галкина ничего не знаем о доказательности материалов Яшина кроме слов «совершенно достоверные сведения». Да еще цитируется по книге Ободовской и Дементьева, название которой наш оппонент не помнит. Однако недвусмысленно намекает, что самостийный пушкинист академик об этой книге ничего не знает. Вот теперь пусть узнает и разрыдается от своего невежества и убийственной аргументации официального пушкиниста.

Вообще у официальных пушкинистов как-то плохо с прочтением работ своих оппонентов. Их можно вообще не читать или путать одного неопита с другим. Я уже писал выше, что в 2005 году вышла моя книга «Александр Пушкин: загадка ухода» (тираж 3000 экз.). В главе 12 «Год трагических откровений» я обширно цитирую книгу Ободовской И., Дементьева М. «Вокруг Пушкина» (М., 1975).

Теперь мой оппонент узнает название этой книги. Но статья оппонента опубликована в феврале 2013 года, а моя книга в 2005 году, за 8 лет можно было и заглянуть. Какова же степень

научной недобросовестности у рвущегося на пушкинский Олимп Галкина по отношению к самостийному пушкинисту Петракову!

Еще большее удивление вызывает смешение оппонентом моей фамилии с фамилией Александра Лациса. В книге «Последняя игра Александра Пушкина» (2003 г.) в пятой главе я посвящаю 2–3 страницы рассказу о том, как Лермонтов влюбил в себя девуцу Сушкову, расстроил ее свадьбу с женихом, а потом написал анонимное письмо родителям Сушковой, что Лермонтов негодяй и от дома ему нужно отказать. Зимой 1835 года в письме Верещагиной Лермонтов отмечает, что он сознательно шел на скандал, чтобы привлечь внимание светского общества к своей персоне. Я делаю вывод, что до Пушкина дошли сведения о проделках двадцатилетнего гусара полка, расквартированного в Царском Селе. Галкин отвечает: «Для справки: Пушкин был незнаком с Лермонтовым». Об этом знает каждый школьник 7–8 классов. Но о чем разговаривали на балах и раутах в перерывах между танцами? Обсуждали литературные достоинства «Медного всадника» или «Истории Пугачевского бунта»? Вряд ли. Сплетни, сплетни о знакомых, знакомых знакомых и т. д. Тот, кто принес на хвосте пикантную историю о гусаре и обманутой девице, скорее всего не знал, что Лермонтов пишет стихи, и имени не запомнил. А слух распространился мгновенно. Пушкин, думаю, ушей не затыкал.

Но забавно, что изложение конфликта между Сушковой и Лермонтовым наш официозный оппонент Галкин приписывает Лацису. Когда я работал над книгой, работы Лациса мне не были известны. Потом читал Лациса с удовольствием, но фамилии Сушковой в его публикациях не встречал. Лацис пишет, что Пушкин якобы читал третью редакцию «Маскарада». Но это его версия, к которой я никакого отношения не имею. Если г-н Галкин найдет у Лациса историю с Сушковой, он получит глубокую благодарность профессионалу от самостийного пушкиниста.

Профессионалы-пушкинисты разговаривают с неофитами «через губу», с определенным презрением. Может быть, они обладают какой-либо секретной информацией? Не опубликована, например, картотека Модзалевского. Зато много печатных листов отведено анализу обломков печати на конверте с «дипломом рогоносца». Якобы там открыты все ритуалы и символика масонов. Но печать-то не найдена. Да и Пушкин знал масонскую кухню. Ничего не доказано, а научные степени присвоены.

Может быть, пора выложить карты на стол? В противном случае, я как экономист-профессионал смею предположить о псевдонаучности целого ряда направлений в пушкинистике.

Без честной дискуссии нет науки.

Николай Петраков

Предисловие к 1-му изданию

Пушкиноведение в последние полтора с хвостиком века выросло в довольно престижную сферу интеллектуальной деятельности, далеко выходящую за рамки классического литературоведения. Творчество Александра Сергеевича Пушкина исследовано с помощью компьютерной техники лингвистами, препарировано филологами, пережевано литературными эстетам. Результат этих многотрудных изысканий очевиден: все творчество Пушкина органически связано с его личными переживаниями. Как сказали бы теперь – с жизненным опытом писателя. А откуда же еще брать исходный материал: будь ты Золя, Драйзером и даже Дюма (отцом и сыном)? Но почему в последние сто лет ни Пушкиных, ни Достоевских, ни Толстых просто нет? Да что там Россия, мировое оскудение литературы наблюдается уже лет тридцать-сорок нарастающими темпами.

Вопрос о том, «почему нет нового Пушкина», тесно переплетается с вопросом, почему мы не понимаем мира начала XIX века, обстановки, взаимоотношений людей того времени, устройства «адреналинового моторчика», придающего монотонному течению жизни интригующую окраску в периоды эмоционального всплеска, переживаний, житейских радостей, обид, разочарований и надежд. Для поддержания этого эмоционального тонуса годится и авантюра, и мистификация, и сплетня, и подметные письма, и дуэль.

Все это жизнь, которая делается в XIX веке самими живущими и для себя. Да, это театр, да, это игра. Но в этой игре каждый актер может на время стать режиссером или сценаристом, статистом или зрителем. В этом вечном театре, создаваемом для себя и часто становящимся игрушкой для других кукловодов, участники становились личностями, самоутверждались, побеждали и проигрывали. Не было телевидения, не было нынешнего информационного безумия, когда весь мир призывают сопереживать матери, у которой отец украл ребенка где-то в Новой Зеландии, или обсуждать интимную связь некой девицы с президентом США. Все волнующие нормальных людей события происходили рядом. Более того, в большинстве из них они были соучастниками и даже активными создателями конкретных ситуаций (повторю еще раз – режиссерами и сценаристами). Это была не наша жизнь, где все мы мало-помалу вытесняемся в разряд статистов и зрителей, от которых ничего не зависит. Средства массовой информации, индустрия шоу-бизнеса и спорта формируют для современного общества суррогатные раздражители, эмоциональные импульсы, псевдопереживания, превращая одних из нас в ленивцев, рабов телесериалов, а других в раскрученных кумиров и дутых авторитетов. Идет интенсивное отчуждение человека от индивидуального процесса генерирования личных эмоций. Хорошо это или плохо – не наша тема. Кроме того, добросовестный исследователь просто не имеет права ставить какие-либо отметки объектам изучения. Поэтому здесь нам важно зафиксировать только одно: обсуждать те или иные события, относящиеся к определенной исторической эпохе, следует, исключительно оставаясь в рамках быта, морали, этики этой эпохи. Иначе мы ничего не поймем, скатимся в мифотворчество, заведомую предвзятость. А ведь именно за это мы не любим социалистический реализм, советскую пушкинистику. (Между прочим, советские и антисоветские литераторы продемонстрировали удивительное единомыслие в пушкинской теме. Воистину: Пушкин – это наше все).

Вышесказанное обязывает нас попытаться посмотреть на личную трагедию Пушкина не с «высоты» XXI века, а, по возможности, изнутри, исходя из нравов, ценностей, самоощущения людей, живших в XIX в., в первой его трети. Насколько это удалось – судить читателю.

Глава 1

Две главные загадки, оставленные А. С. Пушкиным

Александр Сергеевич Пушкин окружил свой уход из жизни ореолом загадочности, завесой неоднозначности своего поведения в последние месяцы перед роковой развязкой. Так громко, трагично и в то же время скандально не «хлопал дверью» ни один сколько-нибудь заметный деятель российской, да и, пожалуй, мировой культуры. Его смерть стала уравнением со многими неизвестными не только для подавляющего числа (а может быть, и для всех) современников, но и для целой армии пушкиноведов по сей день. «Эта история окутана многими тайнами», – под этими словами П. Вяземского могут подписаться все, кто пытался взломать сей тайник. Не пускает к себе Александр Сергеевич. Такой детектив закрутил, что за без малого сто семьдесят лет никто пружину интриги и ее автора определить не может.

Александр Сергеевич оставил две главные загадки своей гибели:

1. Дрался ли Пушкин на дуэли с истинным виновником своего унижения (и в чем собственно это унижение для поэта состояло)?

2. Кто был автором и распространителем анонимного пасквиля, явившегося катализатором бунта поэта?

Эти два вопроса, на которые пока нет ответа, взаимно переплетаются, и, казалось бы, их связывает железная логика: Дантес откровенно и демонстративно ухаживает за супругой поэта. Поэт получает анонимное письмо с намеком на то, что он рогоносец, и мгновенно прозревает, причем сразу в двух направлениях: замечает оскорбительный для него и его жены характер поведения Дантеса и одновременно вычисляет автора анонимки (приемного отца Дантеса). Далее следует вызов на дуэль «без объяснений причин», дабы защитить честь то ли самого поэта, то ли его супруги, то ли того и другой вместе.

Вся беда в том, что «железность» логики этой конструкции рассыпается уже в момент ее создания. Почему ревнивому и любящему свою жену поэту требуется дожидаться анонимного пасквиля, чтобы возмутиться поведением Дантеса? Что за слепота непревзойденного знатока взаимоотношений между мужчиной и женщиной? Да и ровня ли Дантес Пушкину? Зачем Геккернам (старшему и младшему) писать Пушкину письма, оскорбляющие его достоинство? Они оба делают свою карьеру в России, которой противопоказан скандал. Откуда такая мгновенная уверенность Пушкина в авторстве анонимного послания (получено 4 ноября, вызов Дантесу послан 5 ноября)? Анонимщик прозрачно намекает совсем на другого ваятеля рогов поэта, но последний этого, якобы, не замечает. Почему?

К этим вопросам мы еще вернемся ниже. Но начнем с текста пасквиля, сыгравшего роль спускового крючка в последней дуэли Пушкина. Чтобы не заставлять читателя вновь листать страницы пушкинианы, приведем в тысячный раз этот текст в переводе с французского.

«Полные Кавалеры, Командоры и кавалеры Светлейшего Ордена Всех Рогоносцев, собравшихся в Великом Капитуле под председательством достопочтенного Великого Магистра Ордена Его Превосходительства Д. Л. Нарышкина, единодушно избрали г-на Александра Пушкина коадьютором Великого Магистра Ордена Всех Рогоносцев и историографом Ордена. Непременный секретарь граф И. Борх».

Все серьезные пушкинисты одинаково трактуют иносказательность этого текста. Дмитрий Львович Нарышкин был супругом красавицы Марии Антоновны, любовницы императора Александра. В тексте анонимного письма Пушкин назван «коадьютором», т. е. заместителем Нарышкина. Таким образом, совершенно недвусмысленно указывается на то, что Наталья Николаевна, жена поэта, является наложницей царя Николая.

Не понять этого Пушкин не мог. Поэтому не следует серьезно рассматривать версию о том, что Пушкин расценил пасквиль как намек на рога от Дантеса. Правда, в дневнике Д. Ф. Фикельмон можно прочесть: «Семейное счастье начало уже нарушаться, когда чья-то гнусная рука направила мужу анонимные письма, оскорбительные и ужасные, в которых ему сообщались все дурные слухи, и имена его жены и Дантеса были соединены с самой едкой, самой жестокой иронией». Но из этих строк следует только то, что круг лиц, знавших подлинный текст пасквиля, был крайне узок. И даже близкие Пушкину люди в своих предположениях шли «от обратного»: коль скоро поэт вызывает на дуэль Дантеса, значит, в пасквиле имя последнего и связано с Натальей Николаевной.

Итак, будем придерживаться очевидного. Пушкин истолковал упоминание о Нарышкине как любой нормальный человек.

Дальше пушкинисты начинают фантазировать на тему, что должен был почувствовать поэт, расшифровав немудреный подтекст анонимки. Здесь наблюдается полная разногласица. Большинство исследователей стоят на том, что Пушкин воспринял намеки анонима как беспочвенную клевету на супругу. Его возмущение имело в основе стопроцентную уверенность в супружеской верности Натали. И Пушкин не ошибался. Эта группа «специалистов по Пушкину» искренне считает, что отстаивая такую точку зрения, они демонстрируют свою личную любовь к поэту. Поэт хотел, чтобы именно так сложилось общественное мнение и надо быть верными его последней воле.

Любопытно, что система аргументов этой «партии» строится исключительно на цитатах из высказываний близких друзей Пушкина. Но друзья на то и друзья, чтобы пропагандировать версию, которую Александр Сергеевич считал благопристойной для себя и своей семьи. Тем более что за это он заплатил своей жизнью. Еще более наивным аргументом сторонников этой версии выглядит ссылка на то, что Наталья Николаевна была абсолютно откровенна с мужем. Однако согласитесь, одно дело рассказывать мужу о своем успехе на балах, о комплиментах в свой адрес, и совсем другое – признаться мужу в интимной связи, да еще с царем!

Позицию друзей и близких Пушкина, по-моему, наиболее точно и глубоко выразил в 1855 г. С. А. Соболевский: «Публика, как всякое большинство, глупа и не помнит, что и в солнце есть пятна; поэтому не напишет о покойном никто из друзей его, зная, что если выскажет правду, то будут его укорять в недружелюбии из всякого верного и совестливого словечка; с другой стороны, не может он часто, где следует, оправдывать субъекта своей биографии, ибо это оправдание должно основываться на обвинении или осмеянии других, еще здравствующих лиц. Итак, чтобы не пересказать лишнего или недосказать нужного – каждый друг Пушкина должен молчать»¹.

Соболевский относился к числу людей, которым Пушкин особенно доверял. Ему ли не знать, что было о чем молчать.

Есть, как водится, и группа пушкинистов, считающая, что намек в шутовском дипломе бил точно в цель, что Наталья Николаевна находилась в интимной связи с императором. Более того, выдвигается версия (А. Зинухов)², согласно которой отцом последнего ребенка в семье Пушкиных был Николай I.

И наконец, есть группа исследователей, которые пытаются найти своеобразный компромисс между двумя вышеозначенными версиями. Наиболее ярким представителем этого дуализма в оценке развития событий в рамках любовного треугольника является Георгий Чулков, издавший в 1938 г. весьма интересную книгу о Пушкине. Послушаем его: «Фрейлиной Наталья Николаевна не была и не могла быть как замужняя женщина, но суть дела от этого не меняется. Сама красавица и без этого придворного звания была принята в интимный круг царских

¹ Друзья Пушкина: В 2 тт. М.: Правда, 1984. Т. 2. С. 306.

² Совершенно секретно. 2002. № 7.

фавориток. *Царь не успел сделать ее своей любовницей при жизни поэта* (курсив наш. – Н.П.), но его поведение после смерти Пушкина дает повод думать, что Наталья Николаевна сделалась все-таки царской любовницей, но позднее, когда она вернулась в Петербург из деревни в 1839 году. И это находит подтверждение в ряде мелочей: недаром у царя на внутренней крышке его часов был портрет прелестной вдовы и недаром покладистый П. П. Ланской, за которого она вышла замуж в 1844 году, сделал такую блестящую карьеру. И недаром в 1849 году, когда лейб-гвардии Конный полк подносил Николаю I альбом с изображением всех генералов и офицеров, художнику Гау было предложено через министра двора написать для этого альбома «портрет супруги генерал-майора Ланского». Супруги прочих командиров, по воле царя, этой чести не удостоились».³

Ну что же, для биографа позиция очень удобная и, очевидно в понимании Чулкова, где-то даже благородная: и Пушкин не рогоносец, и Натали в алькове императора! Это, скорее всего, царь, ознакомившись после смерти поэта с текстом диплома, спохватился и решил исправить «историческую ошибку» анонимного автора. Уж импровизировать, так импровизировать.

Простой перечень мнений на тему, поверил Пушкин анониму или нет, выявляет полную бестактность нашей пушкинистики. Все, кто затрагивал эту тему, скатывались к примитивному: «было – не было». Во-первых, господа, вы никогда не узнаете правды, ибо все, знавшие ее, сделали все возможное, чтобы не удовлетворить любопытство потомков. Во-вторых, и те, кто, путая Татьяну Ларину с Натальей Гончаровой, настаивают на незыблемости супружеской верности последней, и те, кто обвиняет ее в интимной связи с царем или Дантесом, – все скопом, иногда даже не замечая этого, лезут с ногами в супружескую постель поэта. Зачем? Разве всем нам Шекспир не объяснил давным-давно, что трагизм ситуации, в которой оказался Отелло, отнюдь не определяется тем, была ли измена Дездемоны действительной или мнимой? Факт супружеской измены и основание для ревности для человека, обремененного минимальным интеллектом, – понятия далеко не тождественные, хотя, конечно, в известном смысле пересекающиеся.

Поэтому для понимания психологического состояния Пушкина в последние годы его жизни действительно важным является вопрос: были ли у Пушкина серьезные основания ревновать свою жену к царю?

³ Чулков Г. Жизнь Пушкина. М.: Наш дом, 1999. С. 332–333.

Глава 2

Ревность к императору

Если бы Пушкин затеял столь грандиозный скандал из-за ревности к Дантесу, он действительно был бы смешон. Именно поэтому недоброжелатели поэта всячески педалировали эту схему развития событий. Но Дантес (как самостоятельная фигура) не был ровней Пушкину ни по значению в общественной жизни, ни по степени приближенности ко двору и особе императора. В конце концов, Пушкин принадлежал к цвету российского дворянства, в то время как Дантес по сути был эмигрантом, искавшим заработок на чужбине. «Какая ты дура, мой ангел! – писал Александр Сергеевич своей жене, – конечно, я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь с кавалергардом».

Ясно, что Дантес добросовестно отработал порученную ему роль и славно потрудился, чтобы придать истинной трагедии видимость фарса (к этому мы еще вернемся). Но для Пушкина он не был загадкой или серьезным раздражителем. Поэтому мы настаиваем на том, что главный вопрос, квинтэссенция всей интриги: были ли у Пушкина веские основания ревновать к императору? Да, были и немалые. Вот некоторые из них.

Александр Сергеевич отлично знал нравы и принципы «иерархического эротизма» в крепостной России вообще и при дворе в частности. Барин имел «естественное» право на сожителство с крепостными девицами. Между прочим, Пушкин не только не ставил под сомнение «естественность» этой традиции, но неоднократно практически следовал ей. Только потому, что он барин. А девица, соответственно, должна была почитать эту барскую милость за благодать. При дворе в роли барина выступал император, а в роли крепостных девиц – все без исключения дамы высшего света, а также все допущенные ко двору лица женского пола.

Николаю Павловичу эти устои были весьма по вкусу. Д. Фикельмон в своих дневниках отмечает бесчисленные увлечения императора – Урусова, Булгакова, Дубенская, княжна Щербатова, княжна Хилкова. Тут же и замужние дамы – графини Завадовская и Бутурлина, княгиня Зинаида Юсупова, Амалия Крюднер.

Желающих подробнее ознакомиться с сексуальными увлечениями Николая I отсылаем ко второму тому монографии Мрочковской-Балашовой «Она друг Пушкина была». Нам же важно подчеркнуть не столько любвеобильность Николая Павловича (по этому «показателю» он все равно не превзошел свою венценосную бабу), сколько неумное стремление придворных дам добиться царской альковной благодати. Вот одна из характерных зарисовок Долли Фикельмон: «Император был как никогда красив. Вид завоевателя ему очень подходит, и свита красивых женщин, следующих за ним из залы в залу и ловящих каждый его взгляд, полностью оправдывает этот вид». Быть наложницей царя или хотя бы ночь провести с ним было высшей наградой, вызывало зависть окружающих дам и гордость мужей, что жены были отмечены «интимной милостью» его величества. И не надо заламывать руки с воплем – «О, времена, о, нравы!» Все было в рамках господствующей морали. Самодержавно-патриархальный контекст этой морали предполагал не только реализацию отмеченного выше принципа «иерархического эротизма», но и прямое вмешательство государя в семейные дела своих подданных (подбор невест и женихов, устройство браков бывших своих любовниц), выдача разрешений на выезд в Европу, определение границ вольнодумства и меры наказания за сей грех. Мы уже не говорим о раздаче чинов, земель, привилегий. Царь был и наставником, и отцом-благодетелем, и любовником, а если хотел, то и цензором. И все это, подчеркиваем, было в порядке вещей для подавляющей части общества, а уж для высшего света тем более.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.